

СВОБОДЕН ЛИ ЧЕЛОВЕК В ВЫБОРЕ СВОЕЙ СУДЬБЫ?

О.В. Сидоренко

Рассмотрен способ действия судьбы в совокупности с проблемой свободы.

Ключевые слова: судьба; свобода; выбор; жизненный путь; нестандартность поведения; социальная инерция; фатализм.

Может ли человек быть вольным в выборе своей тенденции жизни или все определяется внешними условиями? Если жизненный путь человека определить как попытку отличить возможное от невозможного, желаемое от действительного, вероятное от неизбежного, то судьба в данной ситуации может трактоваться как абсолютная предопределенность всех событий человеческого бытия.

Мировая мифология не раз использовала сюжет о том, что герой получает откуда-то свыше предсказание об ожидающем его несчастье, спешит его предотвратить, но беда все-таки приходит, только непредвиденным образом. Об этом свидетельствуют мифы об Эдипе, о Данае и Персее, а если отойти от мифологии, то во многих сказках герой тоже может увидеть в каком-ни-

будь зеркале весь ход своей будущей жизни или прочитать на камне, стоящем на распутье дорог, примерные варианты своего дальнейшего путешествия: “Налево пойдешь – коня потеряешь...”.

Сюжет повторяется с примечательным единообразием у разных народов и в разные времена. Значит, люди не склонялись к вере в свободу воли и не шли против судьбы: чему быть – того не миновать.

Но почему? Приглядимся к Эдипу. Его поступки излишне горячны, он часто неблагоприятен, скор на расправу, проклятие, мщение. Властолюбец, гордец, пренебрегающий знаками судьбы, он сам виноват в своей трагической истории. Таков его характер. А характер, как заметил еще Гераклит, и есть судьба. Различны обстоятельства,

жизненные события, различны одеяния судьбы, но ее общие предначертания реализуются с железной необходимостью: характер рождает судьбу.

Получается, что человек виноват в своей несвободе сам. Этой идеей пронизана вся греческая литература. Всякого, кто в чем-то неумерен, ждет наказание свыше.

В литературе, относящейся к периоду Средневековья, несвобода человека выступает в виде сословной морали, сословного мироощущения. Человек в ней выступает как частный случай общего социального типа. Например, Роланд попадает в устроенную ему западню, потому что его поведение и характер всегда слишком хорошо укладывались в шаблоны гордого рыцаря, его поступки нетрудно было вычислить заранее. Чрезмерное срастание человека со своим родом занятий тоже выступает как проявление несвободы личности. Такой человек следует данным извне установкам, стереотипам чувств и мысли, подчиняется социальной и эмоциональной инерции, то есть не думает своей головой. Стало быть, свобода возможна лишь там, где человек способен вести себя нестандартно, незапрограммированно.

Пример того, как мысль подходила к осознанию этого обстоятельства, можно обнаружить в известном мифе о Прометее, совершившем свой поступок вопреки логике и интересам своего клана богов, вопреки тому, что от него ожидалось, тем самым направившим историю по иному, нежели того хотели на Олимпе, пути развития. Вариации на тему, как бывает полезна и нужна нестандартность поведения, оригинальность и импровизация в поступках, в огромном числе разрабатывались в литературе разных стран вроде русских сказок об Иванушке-дурачке или европейских о Золушке. Эти герои всегда поступают не так, как принято, необычно, слишком бескорыстно и благородно. Потому-то они и представляются практичным людям какими-то простоватыми, даже “блаженными”, разумеется, вначале, потому что, в конце концов, они добиваются невозможного, никем не предвиденного, им не предназначенного, то есть проявляют себя как истинно свободные, не связанные происхождением, социальным статусом, имущественным положением.

А вот в Евангелии эта мысль уже возводится на уровень принципа. Как можно понять фразу-заповедь – любите своих врагов? [1] Разве это не идет вразрез со здравым смыслом, логикой, чувствами и даже правом? Возможно ли, чтобы человек заставил себя следовать этой заповеди? Но ведь в том-то и усматривает ее ценность Иисус Христос. И действительно, что особенного в том,

чтобы любить тех, кто любит нас? Это, согласитесь, совсем не трудно. Но Христос требует от человека чего-то необычного, неслыханного, на первый взгляд, невозможного. Иначе нельзя разорвать с миром, в котором человек поработен.

В Священном Писании не раз и с нескрываемым удовлетворением описываются грядущие бедствия и катастрофы, приветствуются бедность и рабство, одобряются бунтарские и деструктивные действия низов, то есть то, что обычно осуждается, Иисус приветствует. Почему? Да потому, что это соответствует избранному и выстраданному принципу. Неоднократно Христос призывает: “не будь как”, “не уподобляйся”, “не слушай никого”, “брось все”, “не собирай сокровищ”, “не заботься о завтрашнем дне” и т. п. Таким образом, чтобы “спасти мир”, надо действовать нестандартно, быть парадоксальным, алогичным. Проявлять доброту, благородство и бескорыстие безо всякого повода и рационального объяснения. Иначе этот мир страданий никогда не исчезнет. Даже само повествование о земной жизни Христа есть иллюстрация такого, казалось бы, немислимого и, на первый взгляд, бесполезного благородства. И, скорей всего, ему не составило бы труда очистить свой путь от недоброжелателей, предателей и палачей, отправив их в ад. Но почему-то он их щадит, и, более того, позволяет осуществить свои темные замыслы, тем самым, осознанно идет на унижение и смерть. Можно предположить, что для его божественной сверхсущности данные события значения не имеют. Но для остальных людей это пример настоящей кротости, до безумства неуместной в сложившейся ситуации.

В образе судьбы находят свое выражение разные формы переживания человеком ограниченности своей свободы. По мнению еврейского философа М. Бубера, “свобода и судьба вверены друг другу и объемлют друг друга” [2]. Человек может с покорностью принять свою жизнь, может попытаться обмануть судьбу, если он ею недоволен, открыто с ней сразиться или познать ее. Но все попытки пройти свой жизненный путь как бы в стороне от дороги судьбы обычно кончаются неудачей. “Из бездны моего будущего поднималось ко мне дыхание мрака, оно все уравнивало на своем пути, все доступное мне в моей жизни, такой ненастоящей, призрачной жизни” [3]. Дело в том, что в данном случае судьба уже изначально воспринимается как несчастливая, нежеланная, таким образом, то, что меня не устраивает, то, что было решено за меня, – мне чуждо, это не моя жизнь, не я ее выбрал, значит, с судьбой надо бороться. Покорившись судьбе, человек

воспринимает свое существование как абсолютную бессмыслицу, где все происшествия не имеют для него значения. В этом случае жизненный путь человека не имеет цели, а значит, лишен смысла. Но, как ни парадоксально, фатализм может стать началом “освобождения” человека, уже одно только чувство нежелания покориться судьбе – есть форма утверждения бытия.

Начиная с эпохи Возрождения секуляризованный человек вступает в “игру” с судьбой, которая незаметным образом приводит к изменению характеристики самой судьбы, она “очеловечивается” и превращается из слепого рока в судьбу-случай, который может быть синонимичен термину “свобода”. С такой судьбой можно и по-пререкаться или даже обмануть ее. А, по мнению философов того времени, “фортуна можно пинать ногами, как женщину, она так же капризна и своенравна” [4]. В этом варианте осмысления судьбы исчезает трагический налет во взаимоотношениях человека и его судьбы, теряется ощущение предрешенности. Судьба оказывается пластилином, из которого человек волен вылепить желаемое, то есть своими поступками определить свой жизненный путь, построить собственное бытие в соответствии со своим замыслом.

Таким образом, судьба воспринимается уже не только как внешняя обусловленность человеческой жизни, но и как логика человеческого бытия. Но, не иллюзорна ли такая победа человека над судьбой? Что связывает события воедино, что превращает их в ступени жизненного пути? В философии XX века была совершена оригинальная попытка дать ответ на поставленные вопросы. Утопист О. Хаксли предполагает, что человек может быть защищен от опасностей, подстерегающих его в подлунном мире, если согласится на изоляцию от реальности. В своем произведении “О дивный новый мир” О. Хаксли рассматривает человеческие чувства, такие, как горе, привязанность к близким людям, скорбь, благоговение перед непостижимым, потусторонним, как нарушение приличий. Устранение различного рода жизненных препятствий путем умелого социобиологического регулирования, обесценивает проявления благородства и героизма. Из общественных отношений исчезают проблемы долга и верности, добра и зла, любви и чести. “Люди так сформованы, что попросту не могут иначе поступать, чем от них требуется. И то, что от них требуется, в общем и целом так приятно, стольким естественным импульсам дается теперь простор, что, по сути, не приходится противиться соблазнам” [5]. С индивида снимается вся ответствен-

ность, единственное, что от него требуется, – существование в подчинении установленным нормам социума. Человек воспринимается только как функциональный элемент коллектива.

В таком иллюзорном мире, где не имеют ценности история и время, судьбе просто нет места. Такое мироощущение спасает человека от чувства страха, избавляет от сомнений, от потерь... Но вместе с этими негативными элементами бытия исчезает надежда, теряет свой смысл вера, обесценивается любовь, а значит, человек лишается возможности наполнить смыслом свою жизнь, придать цельность самому себе.

В действительности же, судьба – это необходимый элемент нашего духовного мира, нашего бытия, без этого элемента теряется смысл наших действий, нашего существования, смысл нас самих. Такие явления, как смерть, время, вечность, свобода, человек не может освоить иначе, как в форме судьбы. Проблема нашего бытия – это не теоретическая, а практическая проблема, это мир человеческих поступков, свободы выбора, воли, решений.

Человек несвободен в той мере, в какой он сводится к условиям и причинам своего существования. В той мере он подчиняется логике и природе этих условий и причин, представляет собой частный случай их, особое к ним приложение. Никакая вещь, однако, не может сводиться полностью к условиям своего бытия. Она всегда нечто еще большее, нечто само по себе. Всякая вещь открывает какую-то новую сторону бытия, реализует какую-то новую его возможность, усиливает его разнобразие. Создавая что-то новое, природа увеличивает свою независимость от каких-то своих же проявлений, усложняет альтернативы дальнейшего развития самой же себя. Поэтому и человек, обогащая свою личность, набираясь социального опыта и культуры, способен изменять свою жизнь и выказывать свою независимость от старого или ненужного, легко предсказуемого шаблона. Чем меньше у него будет оснований чувствовать себя марионеткой роковых сил, тем больше он сможет добавить нечто неординарное от себя в отведенную ему исторической драмой роль.

Литература

1. Евангелие от Матфея. Гл. 5. П. 44.
2. Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 49.
3. Камю А. Избранное. М., 1969. С. 130.
4. Маккиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 375.
5. Хаксли О. О дивный новый мир. М., 1989. С. 334.